МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов X Международной
молодежной научной конференции
(Томск, 16–18 апреля 2014 г.)

Выпуск 10

Т. 2

Научный редактор П.П. Румянцев

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2014

С.Р. Шигапов

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ НОВО-КУСКОВСКОГО РАЙОНА ТОМСКОГО ОКРУГА)

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

Рассматриваются обстоятельства религиозной жизни крестьянского населения района в контексте проведения коллективизации крестьянского хозяйства в СССР. В основном анализируются вопросы статуса верующих граждан и священников. Уделяется внимание ходу атеистической пропаганды сотрудниками культурного актива. Архивный материал используется как источник, учитывающий региональную специфику проблемы.
Ключевые слова: священники; церковная община; атеистическое воспитание; коллективизация.

Следуя по пути перестройки культурного облика советского общества согласно принципам социализма, ВКП(б) немалое внимание уделяла вопросам антирелигиозного характера. Коллективистское общество должно было существовать в рамках материалистического учения. На смену общинному укладу и религиозным воззрениям в деревне приходили новые формы колхозного мышления. Преодоление религии, в основном, проходило двумя путями: административными методами и посредством атеистической пропаганды.

Проблема осуществления антирелигиозной политики в Сибири изучалась рядом отечественных исследователей (И.Д. Эйнгорн, И.М. Шильдяшов, А.В. Горбатов [1]). Однако использование местных архивных материалов позволяет учесть весь комплекс региональных особенностей отдельных территорий края.

Цель исследования – определить характер и приоритеты антирелигиозной политики власти в отношении православного населения района. Для раскрытия этих обстоятельств требовалось выполнить несколько задач: определить статус православных священников, охарактеризовать положение храмов и церковных общин, а также проследить ход атеистической пропа-

ганды в новых общественных условиях. Есть смысл начать с позиций профессиональных служителей.

Как известно, большая часть из них была лишена избирательных прав в 1920-е гг. на основании ст. 69 Конституции РСФСР 1925 г. Партийно-ленинская традиция позиционировала их как пособников павшего строя, классовых союзников кулака. 1-я районная батрацко-бедняцкая конференция 1930 г. объявляла попов вредителями, которые отравляют разум трудящихся «ядом религиозного дурмана» [2. Л. 20]. Однако весной 1930 г. райисполком позволил лицам, лишенным избирательных прав, подачу заявлений с просьбами о реабилитации, по всей видимости, из-за перевыборной кампании, проходившей в округе. Райкомиссия по пересмотру личных дел лишенцев удовлетворила только 3 из 20 заявлений, поданных служителями, еще 1 дело было отложено до решения. Примечательно, что единственным условием удовлетворения являлось «ведение трудового крестьянского хозяйства» [3. Л. 149], а также отсутствие доходов от религиозной деятельности. Это позволяет не только утверждать о возможном продолжении священниками своей профессиональной деятельности, но и ставить вопрос об их полной правовой изоляции от общественно-политических процессов в деревне.

К примеру, в справке сельсовета для комиссии говорилось, что служитель с. Митрофановка лишен прав избирателя, так как продолжает исполнение своих обязанностей «по сей день». Видимо, только отречение от прежней профессии и отказ от религиозной деятельности были гарантами вхождения священнослужителей в трудовое общество деревни. С этой целью бывший служитель с. Туендат публично отказался в покаянном письме от церковных позиций, характеризуя их как враждебные трудовому классу [4. С. 134].

Иным было положение мирских членов религиозных общин. Согласно сводкам о деятельности православных общин района за 1931 г., большая часть храмов была закрыта [5. Л. 25]. Только заключение техкомиссии с. Туендат о состоянии местной церкви дает возможность говорить об ее дальнейшем функционировании [5. Л. 7]. В этом же деле говорится о существовании сети православных общин. Более того, их члены, помимо привычных ролей в церковном совете (член совета, казначей или его председатель), занимали также некоторые общественные должности, такие как пожарный староста, член ККОВ, члены комиссий по заготовкам леса, хлеба или молока [5. Л. 8]. Деятели общины не лишались избирательных прав по данному признаку и были участниками общественной жизни деревни. На основании этого можно говорить о полноценной интеграции членов церков-

ных общин в новое крестьянское сообщество, несмотря на ограничительное положение священников.

Тем не менее, как было объявлено в марте 1929 г., Сибкрайком гораздо большие перспективы связывал с активной атеистической пропагандой, чем с узкими антицерковными методами борьбы в ходе антирелигиозной деятельности [4. С. 196]. В этом отношении ключевыми стали вопросы кадров и снабжения литературой. Достижение столь высоких задач, как преодоление религиозного мышления масс, требовало от членов культурного актива существенного жизненного опыта, а также широкого круга научных знаний [6. С. 67]. В условиях острого дефицита образовательных и политпросвещенческих кадров, который ясно раскрывают архивные материалы, рассчитывать на решительные успехи кадровой политики не было оснований.

Сведения Отдела народного образования (Окроно) о состоянии массовой работы в районе [7. Л. 15–17] отмечают, что за 3 месяца рубежа 1928–1929 гг. было проведено 10 антирелигиозных и 2 естественнонаучных мероприятия с вовлечением около 1 300 человек (т.е. порядка 5% населения района). В сравнении с проведенными за тот же период политическими (12,3 тыс. чел.) или санитарными (5,3 тыс. чел.) мероприятиями, данная цифра представляется незначительной. Вместе с тем решающим свидетельством недостаточной атеистической пропаганды явилось отсутствие антирелигиозных кружков в районе по данным тех же сводок, хотя общий уровень кружковой активности был не ниже соответствующих по другим районам.

Различается с целями кампании и общая постановка целей массово-разъяснительной работы. Основная из них заключалась в объяснении крестьянам преимуществ коллективного строя, раскрытии прогрессивных черт роста кооперирования. То же касается и вопросов книжного снабжения. В первую очередь, Окроно требовал снабдить избы-читальни аграрной литературой и учебными изданиями [8. Л. 77–80]. Это подтверждают данные о кампании «Книга – колхозам!» [9. Л. 17]. Стоит заметить, что в таком случае цели образования и агитации были широко подчинены хозяйственным вопросам коллективизации. Хотя органы Окрполитпросвета и контролировали частичное снабжение сел атеистической литературой [10. Л. 25], все же эти меры назвать достаточными нельзя. Констатировать однозначно можно только явное отсутствие интереса местных органов к антирелигиозной пропаганде как инструменту ускорения процессов коллективизации и ликвидации кулачества. Для решения этих вопросов предпочитали более надежные административные рычаги.

Таким образом, в районе действовал широкий спектр ограничений для ведения религиозной жизни: храмы были закрыты, а сами священнослужители лишились своих избирательных прав. Отстранение от прежней профессии и деятельности было возможностью для них снова стать полноценными гражданами сельского общества. Однако в то же время православные общины продолжали свою деятельность и после закрытия храмов, демонстрируя тем самым свою культурно-историческую автономность. Члены общин не были лишены избирательных прав, могли соответственно продолжать религиозные служения, и что самое показательное – были интегрированы в хозяйственные отношения деревни, заняв ряд общественных должностей.

Постановка антирелигиозной пропаганды натыкалась на ряд серьезных препятствий: кадровые проблемы, дефицит литературы, низкий уровень грамотности, экономический кризис, выставлявший вопросы хозяйственного характера на первый план. В районе недостаточно часто проходили антирелигиозные мероприятия, и что более показательно, вообще отсутствовала кружковая атеистическая деятельность. Есть основания заключить, что действия власти в антирелигиозном русле все еще носили характер административных запретов, в свою очередь, подчиненных интересам практического хозяйственного устройства, а *не задачам нравственно-идеологического перевоспитания.*

Литература

1. *Горбатов А.В.* Государство и Русская православная церковь в Сибири XX в. // Русская православная церковь юга Западной Сибири (XIX–XX вв.): исторические очерки. Кемерово, 2007. 319 с.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-476. Оп. 1. Д. 99.
3. ГАТО. Ф. Р-476. Оп. 1. Д. 109.
4. *Эйнгорн И.Д.* Очерки истории религии и атеизма в Сибири 1917–1937 гг. Томск, 1982. 224 с.
5. ГАТО. Ф. Р-476. Оп. 1. Д. 135.
6. *Шильдяшов И.М.* Религия в Сибири и атеистическое воспитание. Новосибирск, 1982. 206 с.
7. ГАТО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 505.
8. ГАТО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 64.
9. ГАТО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 651.
10. ГАТО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 407.